

Дарья Юрьевна Базаркина – кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и медиаобразования Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, г. Москва; e-mail: bazarkina-icspsc@yandex.ru

Коммуникационное противодействие террористической деятельности: основные задачи и проблемы

В статье анализируется спектр проблем национальной и международной безопасности, создаваемых коммуникационной активностью террористических организаций. Сегодня становится очевидной необходимость противодействия терроризму не только в рамках силовых операций, но и посредством коммуникации государства с общественностью. Анализ сделан с опорой на опыт стран Европейского Союза в борьбе с терроризмом и на отечественные исследования в данной области.

Ключевые слова: терроризм, антитеррористическая деятельность, коммуникация, коммуникационный менеджмент, Европейский Союз.

Darya Yu. Bazarkina – PhD, assistant professor of the Journalism and Media Education Chair at Sholokhov Moscow State Humanitarian University, Moscow; e-mail: bazarkina-icspsc@yandex.ru

Communicational Counteraction to the Terrorism: Main Goals and Problems

In this article we shall try to analyze the spectrum of the national and international security problems, which appeared as the results of the communication activity of the terrorist organizations. Today the necessity of the counter-terrorist struggle not only by use of force, but by governmental communication means, became obvious. In the analyze we use the experience of the EU and the results of Russian researches in this field.

Keywords: terrorism, counter-terrorist activity, communication, communication management, European Union.

Проблема коммуникационного противодействия терроризму довольно широко обсуждается как российскими, так и зарубежными исследователями, так как эффективность традиционных стратегий борьбы с терроризмом в СМИ в современных условиях периодически оказывается ограниченной. Декан факультета журналистики МГУ Е. Л. Варганова приводит три основные стратегии антитеррора в СМИ:

- Стратегия законодательного регулирования;

- Стратегия добровольного самоограничения;
- Стратегия общественного согласия [2; с. 21].

Как по мнению самой Е. Л. Вартановой, так и по мнению ряда других специалистов в данной области, все три стратегии имеют как безусловные достоинства, так и серьезные недостатки. Так, отмечено, что стратегия законодательного регулирования в условиях современной России «практически однозначно вызывает ассоциации с цензурой» [2; с. 21]. Однако нужно отметить, что правовой нигилизм в данном вопросе недопустим, так как в отсутствие каких бы то ни было ограничений не всегда возможно предотвратить, к примеру, распространение материалов со сценами насилия.

«Несовершенство» стратегии законодательного регулирования связано в основном с различными политическими манипуляциями, злоупотреблениями, в частности, опытом применения репрессивных мер в ФРГ по отношению к тем, кто подозревался в сотрудничестве с «Фракцией Красной армии» (РАФ), а также негативным эффектом «антитеррористических законов», главной целью которых было противодействие ультралевому терроризму [1; ч. III, гл. 4].

Известный американский юрист А. М. Дершовиц, отмечают для кризисных ситуаций, связанных с террористическими атаками, опасность передачи части полномочий законодательной и судебной ветвей власти ее исполнительной ветви, в особенности военным. Требования национальной безопасности начинают превалировать над требованиями свободы слова, и под угрозой оказывается нормальное функционирование свободной прессы и адвокатуры, независимые выступления религиозных лидеров и критически настроенной интеллигенции. Попытки подвергнуть цензуре выступления инакомыслящих встречают негативную реакцию в обществе, что частично может способствовать его радикализации. В такой ситуации возникает также опасность подмены национальных и международных интересов граждан государства интересами отдельных представителей элиты, которые могут воспользоваться ситуацией для провоцирования межэтнических, межрасовых конфликтов. В качестве примера можно привести упрек в «выходе за рамки дозволенного» в адрес генерального прокурора США Дж. Эшкрофта, который предполагал, что «несогласные с подходом администрации США к проблеме терроризма оказывают помощь и поддержку террористам» [4; с. 200].

А. М. Дершовиц справедливо отмечает, что «в диапазоне между обычными формами выражения оппозиции по отношению к правительственной политике и прямыми призывами к террористической деятельности можно поместить бесконечное множество ситуаций и высказываний, способных трактоваться законом двояко, например, ситуация общения видного проповедника с террористами» [4; с. 200]. В отношении этих амбивалентных ситуаций законодательство еще не выработало специальных норм. Но хотя введение прямой цензуры опасно как для гражданского общества в целом, так и для доверия общественности к государственным органам, стоит отметить, что отождествлять правовое регулирование лишь со средствами давления на оппозицию – еще более опасно.

Стратегия добровольного самоограничения СМИ представляется довольно

эффективной, однако широкому кругу СМИ трудно выработать универсальные принципы освещения террористических актов, проверенные на практике и при этом свободные от влияния экономических интересов самих СМИ и медиаконцернов.

Наконец, стратегия общественного согласия, подразумевающая как саморегулирование медиапрофессионалов, так и регулирование их деятельности со стороны государственных структур и неправительственных организаций, представляется исследователям наиболее эффективной [2; с. 66 – 67]. Однако без выработки инструментария коммуникационного противодействия терроризму, самой коммуникационной стратегии, которой бы пользовались как СМИ, так и сотрудничающие с ними институты, концепция антитеррора в СМИ не избавится от внутренних противоречий. При применении системного коммуникационного менеджмента предоставление свободы слова оппозиционным структурам не противоречит принципам обеспечения национальной безопасности.

Исследователи отмечают, что главным информационным и коммуникационным подспорьем для террористической деятельности является та парадигма, система представлений об окружающей действительности, которую создает терроризм и коммуникационная деятельность его явных или скрытых сторонников [10]. Именно она повышает лояльность к терроризму как среди граждан стран Ближнего Востока, так и жителей стран ЕС, рекрутирующихся в ячейки «Аль-Каиды».

К примеру, деятельность лидера йеменской ветви «Аль-Каиды» Анвара Аль-Авлаки, которого называют «про-Аль-Каидовским проповедником» [9] и «идеологом терроризма одиночек» [12] получала активное содействие в Великобритании, в том числе техническую помощь (часто это была организация его видеоконференций). Был организован ряд выступлений А. Аль-Авлаки, чему содействовало «большое количество лиц и организаций». Среди них указываются частные организации и университетские общества, а также зарегистрированные в Британии благотворительные учреждения, находящиеся на бюджетном финансировании.

Британский независимый Центр социальных связей (The Centre for Social Cohesion) опубликовал брошюру, в которой дан «всесторонний список всех организаций и лиц, которые защищали, хвалили и показывали Авлаки в наиболее выгодном свете в Великобритании после 11 сентября 2001 г.» Согласно докладу Ч. Э. Аллена, главы отдела разведки и анализа Управления внутренней безопасности США, А. Аль-Авлаки являлся духовным наставником для троих участников теракта 11 сентября. До 11 ноября 2009 г. он вел регулярно обновляемый блог, через который распространял идеи экстремизма [9]. Широкое распространение сообщений А. Аль-Авлаки, многочисленные приглашения его в качестве лектора в учебные заведения Великобритании привели к тому, что к «группам риска», наиболее подверженным воздействиям экстремистской риторики, стали причислять студентов-мусульман.

Не только проповедники и другие лидеры мнений, но и массовая культура часто повышает лояльность к террористической пропаганде. Исследователи

отмечают, что, с тех пор, как было осознано влияние на восприятие феномена терроризма в обществе, оказываемое массовой культурой, периодически ставился вопрос: как массовая культура влияет на самих террористов? Приводятся даже свидетельства того, что некоторые террористы при планировании и осуществлении своих акций вдохновлялись примерами из кинематографа.

Фильм Джилло Понтекорво «Битва за Алжир» (1965), повествующий о реальном конфликте между повстанцами Национального освободительного фронта Алжира и французской армией, вдохновил, по утверждению австрийского историка и журналиста Т. Риглера, как многих левых радикалов, так и террористов: по некоторым данным, руководители ИРА, «Тигров освобождения Тамил Илама» и «Черных Пантер» демонстрировали членам своих организаций этот фильм как учебное пособие, так как в нем весьма правдоподобно изображена внутренняя организация и динамика повстанческой борьбы и городской герильи, которая представлялась эффективной. Лидер западногерманской РАФ Андреас Баадер, по словам того же автора, высоко оценивал фильм Дж. Понтекорво. Согласно одной из его биографий, А. Баадер в 1970 г. смоделировал «Dreierschlag» – одновременное ограбление трех банков в Западном Берлине – по образцу ключевой сцены в этом фильме [11; с. 43].

Как более современный (и, признаться, более полемичный) пример приводится свидетельство во время процесса над сочувствующим «Аль-Каиде» в Великобритании в 2006 г. Специалисты просмотрели найденный у него видеофрагмент. Это был боевик 1995 г. «Крепкий орешек 3: Возмездие», который резко обрывался на 60-й минуте и сменялся кадрами ландшафтов Нью-Йорка, при этом голос за кадром подражал звукам взрыва. Некоторые исследователи предполагали даже, что план теракта 11 сентября 2001 г. разрабатывался под воздействием голливудских фильмов. «Утверждать, что терроризм – просто форма копирования предыдущих акций, конечно неправдоподобно – даже в случае «Битвы за Алжир», в котором крайне трудно установить прямую связь между просмотром фильма и применением на практике тактик, описанных в нем» [11; с. 43]. Однако не исключено, что террористы заимствуют свою идентичность (например, провозглашают себя борцами за независимость) не только под влиянием политических работ разнообразной направленности, но и под влиянием массовой культуры, особенно наиболее талантливо выполненных ее образцов. В свою очередь, терроризм становится одной из популярных тем произведений современной массовой культуры. В такой ситуации внедрение коммуникационных механизмов антитеррористической борьбы представляется своевременным и обоснованным.

Чтобы вкратце охарактеризовать проблемы государств, участвующих в глобальной «войне с террором», можно привести мнения специалистов Всемирного антикриминального и антитеррористического форума (ВААФ). Так, заместитель Председателя комитета Государственной думы по безопасности А. С. Куликов утверждает, что «война с террором» «нанесла больше морального ущерба государствам воюющей коалиции, чем

материального ущерба тем террористическим группировкам, против которых она объявлена» [5; с. 12].

Он же отметил, что к 2006 г. спецслужбы стран Запада немного узнали о механизмах функционирования, сильных и слабых сторонах террористических групп. С коммуникационным аспектом проблемы терроризма связан и тот факт, что в современных условиях «воспринимать Бен Ладена и его «Аль-Каиду» как некий авангард террористического движения – значит, закрывать глаза на более неудобную реальность, суть которой состоит в том, что от ядра первородной «Аль-Каиды» эстафету приняла глобальная сеть не связанных друг с другом, но, вероятно, идейно поддерживающих друг друга радикальных ячеек» [5; с. 12].

Другой специалист ВААФ, специальный представитель Президента РФ по вопросам международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью А. Е. Сафонов, также обращает внимание на тот факт, что в период с 2001 по 2006 г. «Аль-Каида» «из организации, финансирующей, планирующей и проводящей собственно основные террористические акции, превратилась в идеологическую организацию» [6; с. 17]. Далее делается вывод, что, сохранив часть финансовых функций, «Аль-Каида» делегировала полномочия по подготовке новых боевиков и осуществлению терактов многочисленным разрозненным организациям и группам террористов по всему миру.

На этом фоне основной проблемой, которую можно выделить для государств – участников «войны с террором», является падение их материальных и нематериальных активов. К материальным активам можно отнести технические и финансовые ресурсы, расходуемые при проведении антитеррористических операций. К нематериальным активам в данном случае относятся имидж и репутация государства и его силовых структур, как на международной арене, так и в собственной внутренней политике.

Эксперты в области безопасности признают, что коммуникационный аспект антитеррористической деятельности остается не до конца разработанным даже на базе общеевропейских антитеррористических организаций [см., к примеру: 7]. Так, на уровне Антитеррористического подразделения ОБСЕ главным направлением работы с информацией и коммуникациями признается распределение оперативной информации по разветвленной сети экспертов, основная цель которых – выработка эффективных решений в борьбе с терроризмом, в том числе и в коммуникационной сфере. Однако очень часто представители как силовых структур, так и научного сообщества делают акцент на необходимости защиты информации, упуская из виду те направления, на которых информация выступает не как объект накопления, распределения и защиты, а как средство управляющего воздействия. В некоторой степени эта проблема исследована в работах, посвященных эффекту террористической и антитеррористической деятельности в СМИ, но сам управленческий эффект, оказываемый на целевые аудитории в результате распределения информации, к сожалению, не анализируется в полной мере.

Исследователь В. А. Гарев полагает, что «основной единицей

информационной борьбы является акт коммуникации между источником и получателем сообщения». «В случае осуществления процесса коммуникации между террористическими организациями и международным сообществом террористический акт, как правило, является первичным сообщением» [3; с. 9]. Анализ терактов в Европе показывает, что основная целевая аудитория террористических групп – власти государств, на территории которых проводится теракт, – способна в силу разных факторов совершать спонтанные поступки, еще более дестабилизирующие государственную систему при отсутствии слаженного плана не только оперативных мер, но и кризисных коммуникаций. Главная причина этого явления, на наш взгляд, заключается в том, что основное внимание исследователей сконцентрировано не на **базисном субъекте коммуникационного менеджмента** («заказчике» коммуникационной стратегии), каковым является государство, а на **технологическом субъекте** – средствах массовой информации, которые, независимо от своей лояльности, в условиях конкуренции неминуемо действуют в интересах тех или иных экономических или политических институтов. Мы можем найти многочисленные рекомендации для журналиста по освещению террористического акта, но крайне редко – указания для представителей власти или организаций, осуществляющих антитеррористическую деятельность.

Коммуникационные стратегии террористических групп опираются во многом на тот нигилизм, который сформировался в европейском обществе под влиянием объективных слабостей ключевых сообщений, сформулированных современными политиками. Сегодня, к примеру, существуют точки зрения, согласно которым именно несостоятельность либерализма как регулятора общественных отношений в условиях религиозных, культурных и социальных разногласий является ключевым фактором нестабильности западного общества [8].

Очевидной чертой коммуникационной стратегии современных террористических организаций является использование реакции населения Европейского Союза на проблемы, связанные с мировым экономическим кризисом. Очевидным коммуникационным просчетом европейских властей является неизменное декларируемое ими отношение к конфликтам в Афганистане и Ираке, а также явное отставание коммуникаций, направленных на контакт с мигрантами, от требований текущего момента. Происходит радикализация взглядов европейского населения на экономическую и политическую обстановку, в ситуации которой граждане, особенно молодежь, становятся более уязвимыми перед лицом террористической пропаганды.

Это может привести к ситуации, когда потенциальные представители прогрессивного протестного движения, способного действовать легальным путем, выводятся из такового, становясь жертвами террористической пропаганды, что только усугубляет напряженную ситуацию в обществе, не усиливает элемент дискуссии, а наоборот, исключает ее полностью. Поэтому сегодня так важен поиск новых коммуникационных стратегий для

государственных структур и общественных институтов на пути к безопасности. Европейский опыт с его положительными и отрицательными примерами противодействия терроризму должен быть осмыслен и учтен на этом пути и в нашей стране.

Источники и литература:

1. *Базаркина Д. Ю.* Ультралевый терроризм в ФРГ: Основные направления деятельности «Фракции Красной армии» (РАФ) и ее коммуникационное сопровождение (1971 – 1992 гг.). М., 2010.

2. *Вартанова Е. Л.* Современные масс-медиа и терроризм: природа взаимоотношений. // Журналистика и СМИ против террора. М., 2009.

3. *Гарев А. В.* Информационные угрозы современного международного терроризма. М., 2010.

4. *Дершовиц А.* Почему терроризм действует. М., 2005.

5. *Куликов А. С.* Борьба с терроризмом: достигнуты ли цели, верен ли выбор средств? // Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма. Материалы международного форума./ Всемирный антикриминальный и антитеррористический форум. М., 2007.

6. *Сафонов А. Е.* Состояние международной борьбы с терроризмом после 11 сентября 2001 года. Обзор. // Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма. Материалы международного форума./ Всемирный антикриминальный и антитеррористический форум. М., 2007.

7. *Шургалин М. А.* Международное сотрудничество в области противодействия распространению террористической идеологии. // Роль федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, бизнес-сообщества и СМИ в формировании системы противодействия идеологии терроризма, разработке и осуществлении мероприятий по информационному противодействию терроризму. Материалы II Всероссийской научно-практической Конференции, Москва, МГУ, 13-14 октября 2010 г. Том I. М., 2010.

8. *Kamal Pasha M.* Islam, nihilism and liberal secularity. // Journal of International Relations and development. Volume 15. №2. April 2012.

9. *Meleagrou-Hitchens A.* Anwar al-Awlaki. The UK Connection. 11.11.2009. // The Centre for Social Cohesion // www.socialcohesion.co.uk/

10. *Pashentsev E. N.* Management through communications: Terrorist activities and the antiterrorist reaction of the State and Media in Russia. Paper for the seminar “Communication mechanisms in anti-terrorist struggle” at Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE). Vienna, 28th April 2010.

11. *Riegler Th.* Through the Lenses of Hollywood: depictions of Terrorism in American Movies // Perspectives on Terrorism. Vol. 4, Issue 2. May 2010.

12. *Simon J. D.* Lone Wolf Terrorism. Understanding the Growing Threat. New York, 2013.